

Картина по номерам Портрет неизвестного

Лариса Хващевская

Лариса Хващевская
Картина по номерам.
Портрет неизвестного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202453

ISBN 9785448352522

Аннотация

В обычной жизни всегда есть место необычному. Главная героиня истории Катя не подозревала, как изменит все вокруг картина, подаренная неизвестным.

Содержание

1	5
2	7
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Картина по номерам. Портрет неизвестного Лариса Хващевская

*Лучший подарок для ваших друзей, родных,
близких ...и для вас!*

Из рекламы.

© Лариса Хващевская, 2016

© Марина Кметь, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-5252-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

С утра было солнечно. День обещал быть чудесным. Анзоло распахнул окно. В комнату ворвался запах гниющей воды и рыбы. Анзоло терпеть его не мог. Это только на картинах художников играли солнечные блики, легкий ветерок развеивал волосы прекрасных женщин, а влюбленные мужчины стояли в гондолах под окнами. В жизни все, как всегда, было прозаично. И кататься без дела никому не пришло бы в голову. Красоту их странного города давно перестали замечать местные жители. К красоте, впрочем, как и к уродству, быстро привыкаешь. В доме у Анзоло не было зеркал. А если бы и были, он не стал бы смотреться в них. Он не нравился себе и потому любил плащи с глубокими капюшонами, в которых можно было спрятаться. И длинные волнистые локоны, которыми можно было закрыться от любопытных глаз. Может, поэтому он рисовал только красивые лица, почти идеальные. За это его обвиняли в отсутствии жизни. Что они понимали в жизни и в красоте?

Несмотря на раннее утро, рыбаки уже прибыли с уловом и хлопотливые хозяйки, громко переговариваясь с продавцами, выбирали товар. Анзоло, изо дня в день наблюдавший эту картину, глубоко вздохнул и вернулся к холсту. Его несколько последних полотен стояли в углу маленькой, с заплесневевшими углами комнаты.

– Конечно, – пробормотал Анзоло, – без рыбы жить нельзя, а без этого можно!

Он с таким трудом упросил Антонио выставить несколько его картин вместе с работами модных, обласканных публикой и властью художников, и никто, никто не предложил за них даже рыбу. Наверно, дело в имени. Если внизу стояло бы Джакомо Амигони! Но он не Джакомо. Он Анзоло Корти. Никому не известный неудачник. Художник, чьи картины никто не берет.

2

Сегодня она опять не увидела, в какой момент появился этот странный мужчина. Несмотря на жару, которая навалилась на город, как будто стараясь зажарить все живое, на мужчине был черный костюм, наглухо застегнутая рубашка с длинными, судя по виднеющимся манжетам, рукавами. Он был худ, почти болезненно и как-то бесцветен. Впалые щеки, высокий лоб, очень тонкие, бледные губы. По-видимому, даже случайно лучи солнца не касались его лица. Он приходил третий день подряд, брал одни те же рассыпающиеся от старости книги и садился в самый дальний угол.

Катя всегда видела его уже в зале, но не успевала заметить, когда именно он приходил. Спрашивать у Марии Петровны, маленькой, суровой старушки, ее напарницы, не хотелось. Уходил он всегда последним. Катя отпускала Марию Петровну домой к правнукам, которые гостили у нее этим летом, и ждала, когда странный читатель закончит свою работу. Он был неизменно вежлив. Глубоким, тихим голосом приносил свои извинения за то, что задержал Катю, и уходил медленной, неслышной походкой.

Вот и сегодня, неодобрительно покачивая головой, Мария Петровна ушла домой. И Катя осталась одна за столом.

В особой библиотечной сонной тишине раздавалось только шуршание страниц. Катя посмотрела на часы, решив дать

незнакомцу еще десять минут, и опустила глаза в книгу, которую сегодня читала:

Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится.
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Катя подняла глаза и вздрогнула. Мужчина стоял напротив, внимательно глядя на нее.

– Я не слышала, как вы подошли.

– Любите Есенина? – мужчина кивнул на книгу в ее руках.

– Нравится. Не все, конечно.

– Отчаянный был человек. Необычный, – мужчина помолчал, губы его презрительно дрогнули. – Женщины его любили. Белокурый красавец.

– Женщины любят не за это, – тихо сказала Катя.

– Нет? А за что? За душу? – губы его еще больше скривились.

– За Гений.

– А как же быть негениальным? Их и любить не стоит?

– Каждый в чем-то гениален, – Катя чувствовала, что втягивается в какую-то нелепую дискуссию.

– Вот как, – мужчина помолчал, пристально глядя на нее, а потом потер руки, как будто они у него замерзли. – Инте-

ресный у вас медальон.

Катя инстинктивно дотронулась до широкой золотой цепочки с золотым же овалом. Катя его почти никогда не снимала. Как и до нее все женщины ее рода.

– А вы, Екатерина, – он мельком глянул на ее бейджик, – каких мужчин предпочитаете?

«А у вас разные что ли есть?» – захотелось схамить Кате, но она была девушкой не только начитанной, но еще и интеллигентной, и поэтому смолчала. На самом деле Катя была натурой весьма романтической. Весь ее утонченный облик: светло-русые волосы, голубые глаза, нежные черты лица придавали ей сходство с тургеневскими девушками. Кои (девушки), как известно, помимо ангельской хрупкой внешности и некоторой «унесенности» от суетного мира обладали, однако, сильным характером. А потому Катя предпочитала мужчин идеальных. Вот с этим совпадением внешней, а главное – внутренней красоты. С умом и юмором. Из чего можно сделать вывод, что, дожив до 26 лет, Катя все еще была одна. Привлеченные ее хрупкостью мужчины подвергались жесточайшему разбору и, как правило, не доходили до серьезных отношений. Поэтому Катя грустно вздохнула и ответила своему странному собеседнику:

– Идеальных.

– Я вас понимаю, – мужчина как будто напряженно думал о чем-то своем, и Катя негромко кашлянула, чтобы напомнить о позднем времени.

– А вы уверены, что хотели бы именно идеального мужчину?

Разговор был абсолютно беспредметным, и Катя уже нетерпеливо посматривала на часы, зная, что скоро раздастся звонок от мамы, которая, хотя жили они отдельно, предпочитала знать, где и с кем Катя находится.

– О, да! Кто же этого не хочет.

– Вы знаете, Екатерина, я закончил свою работу. Знаю, что вы проявили много терпения и такта. И ни разу не позволили себе поторопить меня. Я это ценю. И думаю, вы не откажетесь принять от меня безделицу.

Катя возмущенно всплеснула руками, но он жестом остановил ее.

– Сейчас появилась такая новомодная забава. Раскраски для взрослых.

– Картины по номерам, – догадалась Катя.

– Именно. По номерам. Я думаю, вам понравится это занятие. Успокаивает и приобщает к великому искусству.

Он положил на стол неизвестно откуда взявшуюся плоскую коробку.

– Имя художника вам ничего не скажет. Но вы цените Генний.

«Портрет неизвестного», – прочитала Катя. – Это лишнее.

– Уверяю вас, нет.

– Ну, хорошо, – согласилась она. – Но мне вам подарить совершенно нечего.

– Вы уже подарили, – он не улыбался, как обычно при комплиментах, пожалуй, был даже строг.

– Прощайте, – он слегка наклонил голову и так же неспешно, как и всегда, скрылся за тяжелой дубовой дверью.

Катя глянула на часы. Было действительно слишком поздно. Она убрала книги на стеллажи и, взяв сумочку, подарок и ключи от машины, вышла следом. В темном зале какое-то время стояла могильная тишина, затем чуткое ухо уловило бы то ли тяжелый вздох, то ли усмешку. В неверном свете фонарей от стены отделилась фигура в черном костюме и, постояв немного, медленной походкой двинулась в глубь зала.

После дежурного звонка от мамы раздался звонок от Миланы. Их знакомство было по нынешним временам необычным. Они познакомились в библиотеке. По набору книг об истории живописи, который запросила высокая ослепительно красивая девушка, Катя почувствовала родственную душу. Милана была длинноволосая брюнетка с огромными карими глазами и чувственными губами. При такой вызывающей красоте она оказалась еще и умной. Редкое сочетание, поразившее Катю еще больше. Ее острого языка побаивались сослуживцы в следственном управлении, где Милана работала следователем. Уровень притязаний Миланы был тоже достаточно высок, и, пользуясь Хайямовским «и лучше будь один, чем вместе с кем попало», Милана, как и Катя, была одна. Девушек к тому же сблизила фанатичная любовь

к русской классической литературе.

– На завтра ничего не планируй. Я купила билеты на встречу с профессором, доктором искусствоведения Андреем Александровичем Таревым. Судя по регалиям очень умный дяденька.

– Замечательно. Во сколько?

– В семь. В Догадинской галерее. Между прочим, это было не просто. Пришлось воспользоваться служебным положением.

– Что будем слушать?

– «Мистические тайны великих полотен».

– Не мудрено. Сейчас, кажется, бум по всему ирреальному.

– А ты знаешь, что всегда считалось, что существует странная связь между человеком и его портретом?

– В исламе, кажется, запрещено любое изображение человека.

– Иудеи тоже запрещали рисовать портреты людей. «Не делай никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли».

– Откуда ты все это знаешь? – восхитилась Катя.

– Еврейские корни. «Кровь. Кровь всегда скажется», – улыбка была слышна в голосе Миланы.

– Да, – подхватила Катя, – «как причудливо тасуется колода».

– Считалось, что если что-то случится с портретом... ну,

там разорвется или сгорит, то пострадает и человек. Заболеет или умрет.

– Ужас какой. Но ведь это мистика?

– Ты так говоришь, как будто мистика – это что-то несуществующее. Я в Париже в прошлом году видела Джоконду.

– Улыбка правда загадочная?

– Дело даже не в улыбке. Ты знаешь, что она способна доводить впечатлительных людей до обморочного состояния? И первым таким человеком стал Стендаль. Говорят, он остановился у картины, любовался ею, а потом упал в обморок. Я поинтересовалась статистикой.

– Статистика, как известно, знает все, – улыбнулась Катя. Она получала огромное удовольствие от разговора, но странное тревожное чувство незаметно заползло в душу и затаилось. Тревога была как будто немотивированной.

– Так вот, – продолжила Милана, – зафиксированы уже сотни подобных случаев.

– Я знаю, что он до конца жизни правил ее.

– Угу. Если Лувр долго закрыт для посетителей, картина как будто тускнеет. По крайней мере, так утверждают служители музея. А как только залы заполняются посетителями, то, пожалуйста: она вновь сияет красками, и даже улыбка становится более обворожительной.

– Вампир, да и только, – усмехнулась Катя и вдруг вспомнила про забытый в машине подарок.

– Как странно, что именно теперь, – тихо проговорила Ка-

тя.

– Что странно?

– Завтра расскажу.

Катя натягивала шорты и майку, чтобы спуститься в машину. Двор был как всегда освещен по минимуму. И хотя имелись автоматические ворота, в поздний час ходить здесь было не очень приятно. Особенно после Миланиных историй о том, как мужчина вышел во двор с мусором и домой уже не вернулся. С проломленной головой его нашла жена возле мусорников где-то через час безрезультатного ожидания. Что называется «сходил за хлебушком». Все Катины разговоры о судьбе, роке и тому подобном разбивались о железную Миланину уверенность, подтвержденную статистикой, что доверять никому нельзя и везде человека подстерегает опасность. Точно так же Катина мама, работающая врачом в больнице, насмотревшись на пациентов, предполагала у дочери самые тяжелые недуги. Бороться Кате приходилось с обеими.

Полосатый кот Берримор встретил вернувшуюся хозяйку настороженно. Фильм о Шерлоке Холмсе режиссера Игоря Масленникова был для Кати культовым. Кот получил свое имя, так как очень напоминал ей Адабашьяна в роли Берримора. Чопорность, презрение ко всему, кроме еды, независимость и невозмутимость отличали Берримора еще котенком. Сегодня кот явно был не в своей тарелке.

– Берримор, прекрати симулировать сумасшествие, – по-

советовала Катюша, заходя в комнату. – Не надо изображать, что ты меня в первый раз видишь.

Катя положила картину перед собой на диване и, не обращая внимания на судорожно обнюхивающего ее (картину) кота, стала рассматривать портрет неизвестного. На темном фоне, кажется, это был книжный шкаф или высоченные книжные полки в тяжелом бархатном кресле сидел удивительно красивый молодой мужчина. Черты его лица нельзя было назвать правильными, даже в отдельности каждая была абсолютно обыкновенна, но в целом это сочетание рождало ощущение мужественной силы и красоты. У него были широкие плечи, на которых гармонично смотрелась легкая, наверно, батистовая сорочка с крупным воротником, открывающая часть груди. Руки с красивыми пальцами спокойно лежали на подлокотниках кресла. Взгляд был схвачен художником так, что, куда бы ни отходил зритель, глаза незнакомца неизменно смотрели на него. От этого эффекта на картинах Кате всегда было немного не по себе. Она распечатала коробку и достала полотно. Теперь оно представляло собой разделенное на мельчайшие кусочки пространство. Каждая деталь была пронумерована, также в коробке оказались пронумерованные же краски. Катя взглянула на часы. Время шло к полуночи, и завтра рабочий день никто не отменял. Но желание попробовать оживить белое полотно было сильнее. Берримор, натура и вообще-то тонкая, перед целлофановыми пакетами и коробками любого рода впадал в про-

страцию. Вот и сейчас, переборов свой страх, он попробовал засунуть голову в упаковку из-под картины. Поняв, что пролазит только нос, кот, обиженно дергая пушистым хвостом, ушел на кухню. Видимо, заедать горе.

Катя всегда завидовала людям, умеющим рисовать. Сама она этим талантом не обладала. Вернее, карандашные наброски ей удавались, а вот работа с красками казалась ей настоящим волшебством. Смелость художников, смешивающих цвета и знающих, какой оттенок использовать, всегда ее восхищала. И теперь она испытывала глубокое удовольствие от того, что происходило. Постепенно шаг за шагом из разрозненных безжизненных кусочков начинало складываться нечто поразительное. Конечно же, она начала с лица, и теперь зеленые умные глаза смотрели на нее с полотна. Они казались еще более живыми, чем на репродукции. Почти силой заставив себя остановиться, Катя поставила свое произведение на стол, приняла душ, пытаясь избавиться от липкой, удушающей жары. До утреннего пробуждения оставалось четыре часа. В открытую балконную дверь заползали жаркие ночные волны, почти ничем не отличающиеся от дневных. Горячее марево окутывало спящий город. И никто не чувствовал облегчения. Катя ворочалась без сна. Так всегда бывает, если хочешь быстрее заснуть. Разные мысли неспешно текли в ее голове. Вдруг, казалось, без всякой связи всплыли знакомые перечитанные сегодня строчки:

Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится.

Катя поняла, что не может вспомнить лица странного черного человека. Почувствовав чей-то взгляд, она открыла глаза. Берримора рядом, к ее удивлению, не было. Она пригляделась: его упитанное тельце виднелось перед балконной дверью. Ища прохлады, он раскинулся во всю длину и явно спал. Что-то неясное и тревожащее снова поднялось со дна души. Катя тяжело вздохнула и, закрыв глаза, незаметно упала в сон. На столе в резком свете пробивающейся сквозь стекла луны белела картина.

Странный мужчина сегодня не появился, и Катя, сама не зная почему, была рада этому обстоятельству. День шел как обычно. Мария Петровна приболела, но сегодня читателей было совсем немного. Началось время летних отпусков. Студенты, частые посетители библиотеки, ушли на каникулы. К тому же был самый разгар дня. За окнами оплавлялся асфальт, ни один листок не двигался. Полное безветрие. И без острой необходимости на улицах старались не появляться. В читальном зале библиотеки было прохладно, даже слишком. Пахло старыми книгами. Запах, который Катя любила с детства. Часто она открывала дома большой книжный шкаф, чтобы почувствовать его. Он манил ее несказанно, сулил приключения и путешествие в мир, для нее более настоящий, чем реальная жизнь.

– Не люблю быть банальным, – услышала Катя.

Перед ее столом стоял симпатичный молодой человек. Он напряженно работал с самого утра, но Катя несколько раз ловила на себе мимолетные, но красноречивые взгляды. И это ей нравилось. Как нравился и сам молодой мужчина. У него было простое открытое загорелое лицо. Серые глаза на фоне загара были яркими. И это при хорошей фигуре. Честно говоря, Катя была приятно удивлена, увидев его в библиотеке.

– Я вас слушаю, – улыбнулась она.

– Мне нужна ваша помощь.

«Знаток психологии», – мелькнуло у Кати.

– Как познакомиться с девушкой, чтобы сразу с первых минут ее заинтересовать?

– Спросите ее о чем-нибудь необычном, например.

– Вы любите математику?

– К сожалению, я ее не понимаю. Невозможно любить то, что не понимаешь. Я – гуманитарий. Мир цифр для меня скучен и нем.

– Вам не повезло с учителем математики. Он не сумел открыть для вас этот удивительный мир.

– Вы – математик?

– Я математик, – согласился молодой человек и еще понизил голос, – у вас есть калькулятор?

Заинтересованная, Катя взяла в руки телефон:

– Звучит многообещающе.

– Умножьте ваш возраст на 7. Так. Теперь на 1443. Готово? Если вы покажете мне результат, я назову ваш возраст. Ну, если вы его не скрываете, конечно.

– Не скрываю, – улыбнулась Катя и показала экран телефона.

– «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь». Вам 26 лет.

Катя засмеялась и тут же умолкла под неодобрительным взглядом дамы в очках. Потрясенная, она смотрела на мужчину:

– Как вы это делаете?

– Произведение этих чисел всегда будет ваш возраст, написанный три раза подряд.

– Мистика какая-то!

– Законы скучной математики. Был такой английский математик Абрахам де Муавр. Он был уже в преклонном возрасте, когда однажды вдруг заметил, что продолжительность его сна растет примерно на 15 минут в день. Он составил арифметическую прогрессию и определил дату, когда она достигла бы 24 часов – 27 ноября 1754 год. В этот день он и умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.